А. М. ГОРЬКИЙ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ И НЕДОКАЗАННЫЕ ВЕРСИИ

Современники запечатлели для нас последние мгновения жизни Пушкина, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого. Не странно ли, что о последних днях Горького, гораздо более близкого к нам во времени классика, мы знаем, пожалуй, меньше всего? Популярные сборники воспоминаний (однотомник 1955-го и двухтомник 1981 года) отличаются неполнотой, неоправданной усеченностью. Не были включены в эти издания даже печатавшиеся ранее в периодике сообщения лечивших писателя врачей — Л. Г. Левина, М. П. Кончаловского, А. Д. Сперанского. Так сужался круг уже обнародованных сведений. А ведь существуют материалы, которые вовсе не публиковались.

Среди них особый интерес вызывают хранящиеся в Архиве А. М. Горького воспоминания его первой жены Е. П. Пешковой, а также секретаря писателя П. П. Крючкова, друга и бывшей помощницы М. И. Будберг (ей посвящена «Жизнь Клима Самгина») и медсестры О. Д. Чертковой, неотлучно находившихся возле больного до его последнего часа.

Черновые наброски были сделаны Е. П. Пешковой 8 июня 1936 года, в тот критический день, когда Горький умирал и только благодаря усилиям врачей удалось на десять суток продлить его жизнь. Позднее Екатерина Павловна охотно рассказывала друзьям и близким о «чуде» исцеления Горького, дополняла мемуары новыми деталями. К этому тексту примыкает фрагмент, целиком написанный после смерти Горького.

Воспоминания Крючкова, Будберг и Чертковой записаны с их слов многолетним сподвижником Горького в издательских делах А. Н. Тихоновым (Серебровым), который сам не был очевидцем последних дней писателя.

Читатель обратит внимание, что свидетельства этих близких Горькому лиц не совпадают в отдельных подробностях. Нередко мемуаристы поразному воспринимают и интерпретируют один и тот же факт. Так, Будберг временное улучшение в состоянии Горького объясняет появлением И. В. Сталина, а Черткова — введением камфоры, что выглядит более убедительно. В результате, однако, наши представления о последних днях писателя и атмосфере его дома расширяются.

В зарубежной литературе до сих пор не утихают споры о причинах смерти Горького, выдвигаются самые разные версии. В частности, французский исследователь Мишель Никё в статье «К вопросу о смерти М. Горького» стремится подвести читателей к выводу о возможности убийства, но основывается он главным образом на предположениях и догадках.

С недавних пор и в нашей прессе заходит речь о том, как умер Горький. Так, в газете «Аргументы и факты» (6—12 января 1989 г.) А. Логинов останавливается, в частности, на воспоминаниях бывшей узницы сталинского лагеря Бригитты Герланд, немки по национальности, которая услышала в 1948 году в лагере от врача Д. Д. Плетнева историю отравления писателя шоколадными конфетами. И хотя А. Логинов называет эту версию «субъективной», поскольку она «не подкреплена документами», он рассматривает ее в ряду других и привлекает к ней внимание читателей. Читателям же важно знать, что эта версия не только не подкреплена документами, но и противоречит всему тому, что нам известно о смерти Горького из наиболее надежных источников. Мы сейчас знаем и о реабилитации Л. Г. Левина и Д. Д. Плетнева, обвинявшихся в неправильном лечении Горького, и о заключении специальной комиссии, которая на основании медицинской экспертизы пришла к выводу, что диагноз и лечение были правильными (об этом рассказывается в серии статей, напечатанных в «Медицинской газете» 15, 17, 22, 24 и 29 июня прошлого года). С этим выводом согласился в своей книге «Очерки диагностики» (М., 1988) академик Е. И. Чазов, отдав должное «знаниям, эрудиции и врачебному мышлению» лечивших Горького медиков.

К тому же теперь установлено, что Плетнев был расстрелян в 1941 году и, следовательно, не мог в 1948-м рассказывать Бригитте Герланд об отравлении Горького. А что касается конфет, то Марфа Максимовна Пешкова, научный сотрудник Музея А. М. Горького, вспоминает, что «дедушка не любил шоколадные конфеты, не ел их, а щедро одаривал ими внучек».

Мемуары современников, как и материалы, связанные с реабилитацией врачей, содержат немало аргументов в пользу естественной смерти Горького, но было бы, однако, преждевременным полагать, что все здесь окончательно прояснено. Специалистам еще предстоит многое обнаружить, исследовать, доказать.

Публикуемые воспоминания воссоздают полную драматизма картину последних дней жизни Алексея Максимовича. Вместе с предсмертными заметками писателя, которые напечатаны в 10-м томе Полного собрания сочинений Горького в серии вариантов к художественным произведениям, они свидетельствуют, что даже на смертном одре он находился во власти своего художественного гения, нереализованных замыслов, еще недосказанных суждений. Его мысль продолжала жить в созданном им мире образов и идей, творческих начинаний и одновременно с суровой беспощадностью фиксировала его собственные ощущения на грани жизни и смерти. Одна из сохранившихся записей, сделанная уже под диктовку Горького, позволяет ощутить духовное напряжение создателя «Жизни Клима Самгина», завершавшего работу над последним томом главного труда своей жизни, понять его состояние за несколько дней до рокового финала: «Конец романа — конец героя — конец автора».

Вместе с тем читатель увидит из этих воспоминаний, что обстановка в доме Горького была во многих отношениях непростой, напряженной, что навещавший его во время болезни Сталин меньше всего чувствовал себя здесь гостем и проявлял настойчивый интерес к принятому в доме порядку, внося в него коррективы по своему усмотрению.

Нельзя не согласиться с Мишелем Никё, который, понимая недоказанность своей версии, обращается к советским коллегам с призывом активнее изучать творческую деятельность Горького в 30-е годы, шире вводить в научный обиход документы, проясняющие обстоятельства его смерти.

Впервые публикуемые архивные материалы проливают дополнительный свет на эти обстоятельства.

Воспоминания П. П. Крючкова, М. И. Будберг и О. Д. Чертковой печатаются с некоторыми сокращениями.

В. С. БАРАХОВ,
доктор филологических наук, заведующий Архивом А. М. Горького Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР

А. М. ГОРЬКИЙ с Е. П. ПЕШКОВОЙ и М. А. ПЕШКОВЫМ. Москва. 1928 г.
Фото **М. НАППЕЛЬБАУМА**

Заметки Е. П. ПЕШКОВОЙ

1936 год, 8 июня, 6 час. вечера, Горки-10. Дача 14

Состояние Алексея Максимовича настолько ухудшилось, что врачи предупредили нас, что близкий конец его неизбежен и дальнейшее их вмешательство бесполезно. Предложили нам войти для последнего прощания.

Мы вошли к нему.

Алексей Максимович сидит в кресле, глаза его закрыты, голова поникла, руки беспомощно лежат на коленях.

Дыхание прерывистое, пульс неровный. Лицо, уши и пальцы рук посинели. Через некоторое время началась икота, беспокойные движения руками, которыми он точно отодвигал что-то, снимал что-то с лица.

Один за другим тихонько вышли из спальни врачи.

Около Алексея Максимовича остались только близкие: я, Надежда Алексеевна[1], Мария Игнатьевна Будберг (секретарь Алексея Максимовича в Сорренто), Липа (О. Д. Черткова — медсестра и друг семьи), П. П. Крючков — его секретарь, И. Н. Ракицкий — художник, ряд лет живший в семье Алексея Максимовича.

Я, все время напряженно думая — неужели он уже никогда не откроет глаз, встала со своего места, справа от него, и, обойдя кругом кресло сзади, опустилась на скамеечку у его ног. Очень четко спросила: «Не нужно ли тебе чего-нибудь?».

Окружающие неодобрительно посмотрели на меня. Всем казалось, что ЭТУ тишину нельзя нарушать.

После продолжительной паузы Алексей Максимович открыл глаза.

Выражение их было отсутствующим и далеким. Точно просыпаясь, он медленно обвел всех нас взглядом, подолгу останавливаясь на каждом из нас, и с трудом, глухо, но раздельно, каким-то странно-чужим голосом произнес:

— Я был так далеко, откуда так трудно возвращаться...

Он опустил голову на правую руку, опершись на подлокотник кресла, положив левую на другую ручку кресла, и опять закрыл глаза. Но уже не было судорожных движений рук и прекратилась икота, посветлело лицо.

Липа сказала:

— Сделаем укол?

Алексей Максимович не открыл глаз, но отрицательно покачал головой.

Укол все же был сделан.

Через некоторое время Алексей Максимович поднял голову, открыл глаза, выражение его лица необычайно изменилось, стало таким, как бывало в лучшие минуты жизни. Он опять подолгу посмотрел на всех нас и произнес:

— Как хорошо... все свои, все свои люди...

Надежда Алексеевна, сидевшая слева от него, положила руку на его. Он высвободил свою руку и ласково прикрыл ладонью руку Надежды Алексеевны.

Потом Алексей Максимович сказал:

— Тимоша, Петр Петрович — останьтесь. Думая, что он хочет сказать им что-то отдельно, я и другие хотели отойти. Он сделал знак, чтоб мы остались.

Состояние Алексея Максимовича заметно менялось, взгляд перестал быть затуманенным и далеким, синева рук сошла. Казалось, что каким-то сверхъестественным усилием воли Алексей Максимович возвращает себя к жизни.

Решили еще раз впрыснуть камфору. Когда Липа об этом сказала, Алексей Максимович отрицательно покачал головой и произнес тихо, но очень спокойно и твердо:

— Не надо... Надо кончать!..

Все же укол решили сделать.

В это время вошел П. П. Крючков, которого вызывали к телефону, и сказал:

— Алексей Максимович, только что звонили по телефону. Сталин справляется, можно ли ему и Молотову к вам приехать?

Улыбка промелькнула на лице Алексея Максимовича, он медленно, но раздельно ответил:

— Пусть едут... если еще успеют...

Вошел Алексей Дмитриевич Сперанский со словами:

— Ну вот, Алексей Максимович, Сталин и Молотов уже выехали, да, кажется, и Ворошилов с ними. Теперь уж я настаиваю на камфоре, иначе у вас не хватит сил для разговора с ними.

— И Ворошилов... — сказал Алексей Максимович. — Это хорошо! — и потом продолжил: — Вот, все мы люди взрослые, давайте голосовать, нужно ли делать впрыскивание...

Конечно, голосовали «за», и укол еще раз был сделан.

— — — —

Приехали Сталин, Молотов и Ворошилов. Когда они вошли, Алексей Максимович уже настолько овладел собой, что на вопрос: «Как он себя чувствует?» — он, ничего не ответив, сразу заговорил о литературе. Начал хвалить появляющихся в нашей литературе женщин-писательниц.

— А сколько их еще появится! Всех их надо поддержать...

Затем он говорил о расцвете литературы народностей, входящих в Советский Союз, говорил о французской литературе и об интересных новых писателях Франции.

— О деле поговорим, когда поправитесь, — прервал его Сталин.

— Ведь столько работы... — продолжал Алексей Максимович.

Сталин опять прервал его:

— Вот видите, работы много, а вы вздумали болеть, поправляйтесь скорее! — Потом Иосиф Виссарионович добавил: — А, быть может, в доме найдется вино? Мы бы выпили за ваше здоровье по стаканчику...

Принесли вино. Все выпили.

Ворошилов, взволнованный, наклонился к Алексею Максимовичу и поцеловал его.

Вслед за тем они быстро ушли. Уходя, приостановились в дверях, помахали ему рукой.

— — — —

После этого дня Алексей Максимович прожил еще десять дней.

Ек. ПЕШКОВА

8 июня 1961 г.

***

После кончины Максима[2] Алексей Максимович сказал:

— Когда умру, похороните меня рядом с Максимом.

В 1936 году, узнав, что правительство решило кремировать А. М. Горького, я позвонила Сталину и сообщила ему об этих словах Алексея Максимовича и сказала, что я понимаю, что менять решение правительства неудобно, но для того, чтобы исполнить пожелание Алексея Максимовича хоть отчасти, я бы просила, чтобы часть пепла, хотя бы самая небольшая, была бы отделена для захоронения на Новодевичьем кладбище в могиле М. А. Пешкова.

Сталин сказал, что он сообщит правительству об этом.

Позднее через Ягоду мне было передано, что правительство не нашло возможным изменить свое постановление. На изменение постановления я и не претендовала, а просила лишь о выделении части пепла.

[1] Н. А. Пешкова (1901—1971) — жена М. А. Пешкова, сына Горького. В домашнем кругу ее называли «Тимоша».

[2] М. А. Пешков скончался 11 мая 1934 г.

Рассказ П. П. КРЮЧКОВА

Записано 30 июля 1936 г.

Я не верил, что А<лексей> М<аксимович> выздоровеет, с самого начала болезни. Умер А<лексей> М<аксимович> — 8-го[1]. Врачи ушли вниз, считая положение безнадежным. Когда предлагали сделать впрыскивание камфоры, Кончаловский (доктор) сказал: «В таких случаях мы больных не мучаем понапрасну». Все тело А<лексея> М<аксимовича> было исколото шприцами. Он сидел в креслах, руки опухли, стали вдвое больше и посинели, также и уши. Сперанский (доктор) настаивал на впрыскивании. В комнате было четверо (Крючков, Мар<ия> Игн<атьевна>, Липа и Сперанский). А<лексей> М<аксимович> сказал: «Ну вот нас четверо умных, т. е. неглупых людей. Давайте голосовать. Кто за?» Все были за впрыскивание. Липа сделала 9 уколов, ввела 25 кубиков камфоры. А<лексей> М<аксимович> стал оживать. В это время сообщили, что приезжает Сталин, Молотов, Ворошилов. Сталин удивился, что много народу: «Кто за это отвечает?» «Я отвечаю», — сказал П<етр> П<етрович>. «Зачем столько народу? Вы знаете, что мы можем с вами сделать?» — «Знаю». — «Почему такое похоронное настроение, от такого настроения — здоровый может умереть?» Говорили о текущих делах. Пили вино. Уезжая, целовались с А<лексеем> М<аксимовичем>. Он потом сожалел: «Напрасно целовались. У меня грипп, я могу их заразить».

Врачам не верил. Знал, что умирает. После 8-го сказал про врачей: «Однако они меня обманули». Был уверен с первого дня, что у него не грипп (как ему говорили), а воспаление легких. «Врачи ошибаются. Я по мокроте вижу, что воспаление легких. Надо в этом деле самому разобраться». После 8-го изо дня в день менялась картина. Периоды улучшения сменялись новыми и новыми припадками. Жил только кислородом (150 подушек кислорода). О смерти говорил Тимоше: «Умирать надо весной, когда все зелено и весело». Говорил Липе: «Надо сделать так, чтобы умирать весело». Верил только Сперанскому. Когда количество врачей увеличилось, говорил: «Должно быть, дело плохо — врачей прибыло. А сколько среди них «наших»?» (разумея сторонников Сперанского). 10-го приезжал ночью Сталин и др. Их не пустили. Оставили записку. Смысл ее таков: «Приезжали проведать, но ваши «эскулапы» не пустили». Просили обязательно передать. П<етр> П<етрович> спросил докторов на следующий день: «Можно ли передать?» Они были против. Вероятно, потому что там стояло «эскулапы». Боялись, что от этого упадет их авторитет. Сталин и др. приезжали еще 12-го. А<лексей> М<аксимович> опять говорил как здоровый о положении франц<узских> крестьян

Все время был в своей спальне. Сидел на кровати, а не лежал. Иногда его приподнимали. Однажды он сказал: «Точно вознесение!» (когда его приподняли за руки).

Впрыскивания были болезненны, но он не жаловался. Только в один из последних дней сказал чуть слышно: «Отпустите меня» (умереть). И второй раз — когда уже не мог говорить — показывал рукой на потолок и двери, как бы желая вырваться из комнаты.

Почти не спал. После сна чувствовал себя хуже. Ослабевала воля...

Когда умер, отношение к нему со стороны докторов переменилось. Он стал для них просто трупом. Обращались с ним ужасно. Санитар стал его переодевать и переворачивал с боку на бок, как бревно. Началось вскрытие. Когда П<етр> П<етрович> вошел в комнату, увидел распластанное окровавленное тело, в котором копошились врачи. Потом стали мыть внутренности. Зашили разрез коекак простой бечевкой, грубой серой бечевкой. Мозг положили в ведро. Неприятно было нести это ведро с мозгами еще недавно живого человека. П<етр> П<етрович> поставил ведро в автомобиль[2]. Его убеждение: если бы не лечили, а оставили в покое, может быть, и выздоровел бы.

Состояние легких оказалось ужасное. Оба легких почти целиком «закостенели», равно как и бронхи. Чем жил и как дышал — непонятно. Доктора даже обрадовались, что состояние легких оказалось в таком плохом состоянии. С них снималась ответственность. Сердце все время было прекрасное. Выдерживало на протяжении минуты скачки от 160 до 60 ударов.

[1] Имеется в виду кризисное состояние Горького.

[2] Мозг Горького 18 июня 1936 г. был доставлен в Институт мозга.

Рассказ М. И. БУДБЕРГ

Записано 23 июня 1936 г.

8-го июня доктора объявили, что ничего сделать больше не могут. Г<орький> умирает. Приехал Сперанский, стал настаивать на дальнейшем впрыскивании камфоры. Г<орький> отказался. В комнате собрались близкие: М<ария> И<гнатьевна>, П<етр>, П<етрович>, Липа, Ек<атерина> Павл<овна>, Левин. Г<орького> посадили в кресло. Он обнял М<арию> И<гнатьевну> и сказал: «Я всю жизнь думал о том, как бы мне изукрасить этот момент. Удалось ли мне это?» — «Удалось», — ответила М<ария> И<гнатьевна>. — «Ну и хорошо!» Он трудно дышал, редко говорил, но глаза оставались ясные. Обвел всех присутствующих и сказал: «Как хорошо, что только близкие (нет чужих)». Посмотрел в окно — день был серенький — и сказал М<арии> И<гнатьевне>: «А как-то скучно». Опять молчание. К<атерина> П<авловна> спросила: «Алексей, скажи, чего ты хочешь?» Молчание. Она повторила вопрос. После паузы Г<орький> сказал: «Я уже далеко от вас, и мне трудно возвращаться». Руки и уши его почернели. Умирал. И, умирая, слабо двигал рукой, как прощаются при расставании.

В это время сообщили, что к нему едет Сталин, Ворошилов, Молотов. Он немного оживился. Его стали уговаривать сделать впрыскивание камфоры, чтобы приободриться и встретить Сталина бодрым. Он колебался, затем сказал: «Вот здесь нас четверо умных... — поправился — неглупых людей (М<ария> И<гнатьевна>, Липа, Левин, Крючков), давайте проголосуем: надо или не надо». Все высказались за впрыскивание, после которого он начал быстро оживать и двигаться. «Неужели опять начинать все заново?» — сказал он.

Члены Политбюро, которым сообщили, что Г<орький> умирает, войдя в комнату и ожидая найти умирающего, были удивлены его бодрым видом. «А почему здесь так много народу?» — сказал Сталин, не подозревая, что люди пришли проститься с умирающим.

Приехавшие с деланной бодростью заговорили о текущих делах (лицо Ворошилова было красное от слез). Г<орький> их поддержал и заговорил о необходимости издать дешевым изданием «Историю гражданской войны»[1]. Подали вино, они выпили за его здоровье и, пробыв около 10 минут, уехали.

Второй раз они приехали ночью в 2 часа. Г<орький> спал. Левин не будил и говорил: «Ну, если вы так хотите, то я попытаюсь». М<ария> И<гнатьевна> решительно заявила, что не пустит их к больному. Проф. Ланг тоже сказал, что, по его мнению, больного тревожить не надо. Приехавшие оставили Г<орькому> письмо и уехали.

12-го ему опять стало худо. Он с трудом дышал и не мог говорить. Взял руку М<арии> И<гнатьевны> и крепко пожал. Утром 13-го, когда его поднимали на постели (он лежал поперек постели), он сказал: «Вознесение».

В третий раз приехали Сталин, Ворошилов, М<ария> И<гнатьевна> вышла из комнаты. Ожидала с докторами Ланг и Левиным в кабинете. Дали срок не больше 10 минут. М<ария> И<гнатьевна> слышала, как Г<орький> сперва заговорил о работе Шторма по истории крестьянства[2], а потом перешел к положению французского крестьянина. Доктора, глядя на часы, волновались, как бы посетители не засиделись. «Вот уже 8 минут, — говорил Ланг, — М<ария> И<гнатьевна>, вы подите, скажите, что пора уходить. Нам это сделать неудобно». — «Конечно, пойду и скажу», — ответила М<ария> И<гнатьевна>. Но этого делать не пришлось. Через 8 минут посетители вышли из спальни.

Около него лежала книжка Шервуд Андерсена[3] (читать он ее, конечно, не мог), и вдруг М<ария> И<гнатьевна> слышит, как он говорит: «Замечательная книга, наконец-то нашелся писатель, который разрешил вопрос о всеобщей солидарности. Никто не мог, а он решил. М<ария> И<гнатьевна>, вы читали эту книжку?» Последующий бред — отдельные слова то итальянские, то русские...

Умирал тихо. Сидел в кресле, склонив голову на правое плечо. М<ария> И<гнатьевна> поддерживала его голову. Руки бессильно висели. Вздохнул два раза и скончался.

В последние дни был убежден, что выздоравливает. Умирал он, в сущности, 8-го и, если бы не посещение Сталина, вряд ли бы вернулся к жизни. Ощущение смерти было и 12, но безмолвное, только пожал руку М<арии> И<гнатьевны>.

Никаких поручений и завещаний не делал, только 6-го во время первого кризиса спросил Липу: «Ну, как положение мое, серьезное?» — «Да, А<лексей> М<аксимович>, серьезное», — ответила та. Он вызвал М<арию> И<гнатьевну> и сказал: «Вот Липа говорит, что дела мои плохи?» М<ария> И<гнатьевна> начала его успокаивать. «Ладно, ладно, говорите... Надо что-нибудь делать... Как быть с архивом?»

[1] Задуманная Горьким в 1930 г. серия сборников по истории гражданской войны в СССР. В дальнейшем он предполагал в составе этой серии издать цикл научно-популярных книг.

[2] Во время пребывания весной 1936 г. в Крыму писатель Г. П. Шторм познакомил Горького с рукописью своей книги «Цари, бояре, церковники и крестьянство». Издание не состоялось.

[3] Вероятно, имеется в виду книга американского писателя Ш. Андерсона «По ту сторону жизни», которая была издана на русском языке в 1933 г.

Рассказ Л. (О. Д. ЧЕРТКОВОЙ)

8 июля 1945 г. Горки.

Спальня А. М. Горького. Вечер

А<лексей> М<аксимович> приехал из Тессели 1 июня[1]. Девочки болели гриппом. Его к ним не пускали, но он все же к ним тайком прорвался. На другой день поехали в Горки. По пути заезжали на кладбище. А<лексей> М<аксимович> еще не видел памятника на могиле Максима. Осмотрел, хотел повидать памятник Аллилуевой. Был холодный ветер. К<рючков> отговаривал А<лексея> М<аксимовича>: «После посмотрим». А<лексей> М<аксимович> настаивал. Я тоже стала отговаривать. «Черт с вами — поедемте». Он часто так со мной разговаривал «черт с вами».

Вечером в Горках увидела, что А<лексею> М<аксимови>чу не по себе. Поставила градусник — 37,1. Так началась болезнь. С каждым днем хуже. Температура высокая. Лежал то на кровати, то сидел на ней, тогда кровать ставили вдоль стены...

Доктора жили в Горках. Совещались внизу в кабинете за круглым столом. В верхней столовой, на обеденном столе, стояло множество лекарств, мешки с кислородом и всякие инструменты.

Впрыскивали ему камфору, глюкозу. Сперва впрыскивания делала я. От глюкозы отказалась: игла толстая — ему больно, я не могла этого выносить. Впрыскивал какой-то врач, фамилия на Бело...[2] На процессе он об этих впрыскиваниях говорил. После третьего впрыскивания глюкозы пульс стал плохой. Я пошла, сказала об этом Левину. Он пригласил меня на консилиум, и я всем врачам сказала, что пульс плохой. Они совещались и решили глюкозу отменить. Доктор Бело<стоцкий> на процессе говорил, что это он сообщил о пульсе. Ерунда. Это я им сказала, а не он.

Дело шло все хуже. Но А<лексей> М<аксимович> не верил, что умрет, только один раз он меня спросил: «Что, положение мое безнадежно?» — «Что вы, А<лексей> М<аксимович>! — ответила я. — Вы будете здоровы. Болезнь у вас серьезная, но все будет хорошо». Он успокоился.

8-го ему было совсем плохо. Он сидел в кресле, понурившись, молчал и как будто уже никого не видел. Все домашние собрались в его спальной. М<ария> И<гнатьевна> сидела рядом с ним, вся в черном. Позади стояли Тимоша, Соловей[3], К<рючк>ов, Катер<ина> Павл<овна>. Внизу в столовой сидели: Сталин, Ворошилов, Молотов. Доктора отказались от лечения, считая положение безнадежным. Я вспомнила, как в Сорренто спасли А<лексея> М<аксимовича>, впрыснув ему большую, недозволенную дозу камфоры (20 кубиков). Я пошла к Левину и сказала: «Разрешите мне впрыснуть камфору 20 кубиков, раз все равно положение безнадежное». Без их разрешения я боялась. Левин посовещался с врачами, сказал: «Делайте, что хотите». Я впрыснула ему камфору. Он открыл глаза и улыбнулся: «Чего это вы тут собрались? Хоронить меня собираетесь, что ли?». В это время вошли Сталин и др. А<лексей> М<аксимович> говорил с ними как здоровый о книжке «История гражданской войны». Смеялся. Был как здоровый.

Сталин уговаривал его — много не говорить. «Ничего, я хорошо себя чувствую». Сталин попросил принести шампанского. В дверях в кабинет он спросил К<рючко>ва: «А кто это сидит рядом с А<лексеем> М<аксимовичем> в черном? Монашка, что ли?» К<рючк>ов объяснил, что это М<ария> И<гнатьевна>. «Свечки только в руках не хватает», — сказал Сталин. А про меня спросил: «Кто такая?» К<рючк>ов объяснил, что я за А<лексеем> М<аксимовичем> ухаживаю. «Всех — отсюда вон, — сказал С<тал>ин, — кроме этой, в белом (я была в белом халате), что за ним ухаживает». Принесли шампанское. Они чокнулись с А<лексеем> М<аксимовичем>. «Вам, пожалуй, лучше не пить», — сказал С<тали>н А<лексею> М<аксимови>чу. Тот только пригубил.

В столовой С<тал>ин увидел Генриха[4]. «А этот зачем здесь болтается? Чтобы его здесь не было. Ты мне за все отвечаешь головой», — сказал он К<рючк>ову. Генриха он не любил.

Дальше пошло то хуже, то лучше. День лучше, день хуже...

Однажды ночью он проснулся и говорит: «А знаешь, я сейчас спорил с господом богом. Ух, как спорил. Хочешь расскажу?»

А мне неловко было его расспрашивать. Может подумать, что я перед смертью его расспрашиваю. В то, что он умрет, я никак не могла поверить, хотя и знала, что положение безнадежное. Так и не узнала, о чем он спорил с богом.

Иногда он терял сознание и говорил всякую ерунду. Однажды, тоже ночью, говорит мне: «Слушай, что я тебе расскажу. Ты это запиши. Только никому не показывай, это большая тайна». И рассказал мне рассказ[5], который слышал от Вс. Иванова (как потом оказалось). Рассказ этот был уже напечатан, а он считал, что это — тайна. Я потом все записала и показала Вс. Иванову. Оказалось все так, как у него напечатано. Значит, память у него была еще хорошая. Он вообще просил записывать его бред. «Когда выздоровею, ты мне покажешь. Интересно, чем я бредил». Но я не записывала...

16-го мне сказали доктора, что начался отек легких. Я приложила ухо к его груди — послушать — правда ли? Вдруг как он меня обнимет крепко, как здоровый, и поцеловал. Так мы с ним и простились. Больше он в сознание не приходил. Последнюю ночь была сильная гроза. У него началась агония. Собрались все близкие. Все время давали ему кислород. За ночь дали 300 мешков с кислородом, передавали конвейером прямо с грузовика, по лестнице, в спальню. Умер в 11 часов. Умер тихо. Только задыхался. Вскрытие производили в спальне, вот на этом столе. Приглашали меня. Я не пошла. Чтобы я пошла смотреть, как его будут потрошить? Оказалось, что у него плевра приросла, как корсет. И, когда ее отдирали, она ломалась, до того обызвествилась. Недаром, когда его бывало брала за бока, он говорил: «Не тронь, мне больно!»

[1] В действительности Горький приехал в Москву из Тессели 27 мая 1936 г.

[2] М. Ю. Белостоцкий — врач, прикомандированный к А. М. Горькому для внутривенных вливаний. В 1938 г. привлекался в качестве свидетеля по делу «правотроцкистского блока», по которому проходили и врачи (Л. Г. Левин, Д. Д. Плетнев, И. Н. Казаков), обвинявшиеся в неправильном лечении Горького.

[3] Домашнее прозвище И. Н. Ракицкого.

[4] Г. Г. Ягода.

[5] Рассказ Вс. Иванова «Дите» (Собрание сочинений, т. 2. М., 1928).